

Мировоззрение древних Атыхов, Хаттов

Цикл статей "Мир культуры адыгов", АРИГИ, под руководством проф. Р. А. Ханаху

Автор: Н. Г. Ловлаче

Название темы обязывает прояснить этнонимы атыхи и хатты. На первый взгляд кажется, что среди источников по истории Северо-Западного Кавказа нет этнонимических материалов по таким древним эпохам, как меднокаменный и раннебронзовый века. Местные народы в них прямо не называются. Письменные источники (палеографические) не прочитаны. Но если привлечь комплекс из рассматриваемых ниже источников, расширив географические рамки исследования до Северной Месопотамии, можно найти (IV-е тысячелетие до н.э.) два этнонима. Если же присоединить к корпусу источников ретроспективные памятники палеографии Передней Азии II-го тысячелетия до н.э., отыскивается и третий, самый важный для нас этноним.

Главным источником в данном случае служит древнехалдейский трактат по астрологии, составленный из пиктографически-иероглифического материала, имеющего много похожего с изображением серебряного сосуда Майкопского кургана "Ошад" (начало III-го тысячелетия до н.э.). В XXIII-М веке до н.э. древнеассирийский царь Нарам-Син переложил этот трактат на клинопись, выполнив и хронологический пересчет. В библиотеке Нарам-Сина, раскопанной в столице древней Ассирии — Ниневии, обнаружена глиняная табличка, на которой помещен краткий клинописный текст: "В двадцатое новолуние (3750-го года до н. э.) Фар Хатти (Var Hatti — царь хатти) приходит и занимает трон Аккада" (1).

В древнем фольклоре адыгов сохранилась легенда о походе Уар-Хату в Малую Азию, который окончился в 3750 году до н.э. на Евфрате (2). Плита из г. Кархемиша с иероглифическим текстом, содержание которого передано в "Рукописи Древней Гилдани (Ассирии)" (3) более подробно описывает поход Уар-Хату. В тексте из Кархемиша II-го тысячелетия до н.э. военачальник или вождь Уар Хату возглавляет народ "хатуун", то есть, людей хатти. Уун — человек по-древнеадыгски и по-абхазски (Абрегов А.Н.). Следовательно, легендарный Хату по-русски должен звучать как "хаттский человек" (у — усеченное уун), а если принять во внимание древнеассирийское "Var", которое по-адыгски звучит как "Уар", то Хату был царем хатуунов, основавшим в Малой Азии "хаттское или атхское" (скорее всего хаттско-атхское) царство" (4). Абадзехская легенда рассказывает о стихийном бедствии — нашествии саранчи, постигшем адыгов в какое-то время после рубежа VI—V-го тысячелетий до н.э. и вынудившего уйти большую часть народа (очевидно, равнинно-земледельческую) в Малую Азию.

Антропологические материалы из Унакозовской пещеры, относящиеся к рубежу IV-го и V-го тысячелетия до н.э. позволили украинскому антропологу И. Д. Потехиной сделать вывод о большой близости семьи, погребенной в пещере Унакоза в горной Адыгее, к людям, населявшим в начале IV-го тысячелетия до н. э. Северо-Восточную Анатолию и современным шапсугам (5).

Сопоставление перечисленных и иных данных (фольклорных, археологических и антропологических) позволяют считать захороненных в Унакозовской пещере людей (старика с тремя детьми), представителями северо-кавказских хаттов-хатуунов, которые, возможно, ушли,

спасаясь от голода в Малую Азию и пришли в конце концов в 3750 году до н.э. на Евфрат под предводительством Уар-Хату.

Однако это переселение хаттов было возвратным. Дело в том, что по археологическим материалам протомайкопской культуры эпохи неолита, добытым из горных памятников Адыгеи, еще в новокаменном веке, примерно, в конце VI, в V-м тысячелетии до н.э. из Анатолии на Западный Кавказ мигрировало какое-то племя, принесшее с собой с юга традиции малоазийской культуры Чатал-Хуюк: (мотыжки Сочи-Адлерского типа, т.н. флажковые наконечники стрел, технологию и гончарную технику керамики, навыки оседлого стационарного земледелия, стиль монументальной росписи и др.). Эта культура была раннеземледельческим компонентом Северо-Кавказской протомайкопской культуры медно-каменного века. Фольклор адыгов также подтверждает древние миграции из Анатолии.

Вполне возможно, что основное занятие пришлого племени легло в основу этнонима, данного ему местными горными скотоводами-солнцеклонниками атхами. Если учесть замечание языковеда Вяч. Иванова о том, что современное название бывшего племени “хьатикъуай” и селения “Хьатикъуай”, являются языковыми памятниками древнему этнониму “хатти” (7), и учесть факт постоянного подчеркивания в хеттских клинописных текстах двойной “т” в словах “хатти”, “хетт”, “хиттит”, абруптив адыгского “т” мог в древности иметь такое графическое выражение, то можно гипотетически вывести этимологию “хатти”. Это, по сути, земледелец — злакокопатель. В современном адыгском “хьэ” означает ячмень, а в древности, очевидно, означало злак.

Приход в эпоху неолита земледельцев из Малой Азии не означает вторжения совершенно чужого народа. Языковеды считают, что прасеверокавказский язык, к которому относится древнехаттский, с незапамятных времен был распространен не только в Передней Азии, но даже и в Восточно-Средиземноморском бассейне (8). Поэтому есть основания рассматривать факт совместного обитания и тесного сотрудничества атыхов-солнечников (солнцеклонников) и хаттов земледельцев в эпоху энеолита на Северо-Западном Кавказе не как результат агрессии южан и подчинение атыхов пришельцам, а как жизнь двух родственных прасеверокавказских племен.

В высокоразвитой Майкопской археологической культуре периода ранней бронзы III-го тысячелетия до н. э., в которой слились вышедшие на Закубанскую равнину из гор и предгорий атыхи, хатты и, возможно, протоарии-индоевропейцы в лице “ямников” Прикубанья, вычленяется очень выразительный земледельческий компонент, сходный с культурой Аладже-Гуюк Анатолии и который смело можно назвать “хаттским” в отличие от скотоводческого “атыхского” (9).

Таким образом, комплекс источников по древней истории Северо-Западного Кавказа, составленный из фольклорных, палеографических, археологических, антропологических и языковедческих материалов дает возможность оперировать этнонимом “атыхи” и “хатты” уже с IV-го тысячелетия до н.э.

Как проникнуть в мысли людей, населявших древнюю Адыгею (Черкесию) в эпоху бронзы, т. е., по нашим современным представлениям, в дописьменные времена? На первый взгляд кажется, что это сделать невозможно, т.к. историческую информацию от бронзового века дает только археология, имеющая дело с предметами, а не с идеями. С памятниками палеографии (науке о древних письменах), которых в горной Адыгее немало, дело обстоит по-иному. На сегодняшний день опубликовано и дешифровано только три древних надписи — Майкопская плита периода поздней бронзы и петроглифы (10), текст Дегуакской скалы (24) и петроглифы Хамышинского дольмена

(25). Но палеография лучше разработана в Передней Азии. В главе “Литература хатти” Истории всемирной литературы один из абзацев звучит так: “Этот последний язык (хаттский — Л. Н.), существенно повлиявший как на хеттский, так на палайский, является древнейшим представителем северо-западно-кавказской (абхазо-адыгской) семьи языков, (составляющей часть более обширной северо-кавказской группы, включающей также дагестано-нахские языки). В хаттских обрядовых текстах сохранились целые сочетания слов, находящие точное соответствие в кабардинском и адыгейском фольклоре, где отражена древняя адыгская традиция, особенно близкая к хаттской.

Таким образом, исследования хаттского языка и поэзии открывают широчайшие возможности для изучения исторической поэтики, фольклора северо-кавказских народов” (11).

Итак, мысли хаттов, древних малоазийских родственников третьего тысячелетия до н. э., и предков адыгов мы можем узнать из хеттских клинописных и иероглифических текстов второго тысячелетия до н.э. К примеру, текст мифа о Телепину, хаттском громовержце, приведенный в книге В. Г. Ардзинба: “Ритуалы и мифы древней Анатолии” (12), позволяет судить о материализме хатто-хеттов, внутри идеалистическо-религиозной философии. Сюжет повествует, что в хеттском государстве так расстроились дела и расшатались нравственные устои, что главный бог Телепину (эквивалент адыгского Шибле, а по звучанию ближе к нартскому богу-кузнецу Тлепшу), сбежал и скрылся. Некоторое время общество находило удовольствие в безбожии и анархии. Но затем все так нарушилось, что никто не выполнял своих обязанностей и не занимался своим делом. Назревала всеобщая катастрофа. Тогда старейшины создали “Панки” (орган типа адыгского хасэ) и решили вернуть главного бога. Но нигде не находят Телепину. Наконец, пчелка, посланная на розыски, отыскала бога на самом краю Вселенной, спящим в кустах. Ужалив бога, пчела разбудила его. Но Телепину не захотел возвращаться до тех пор, пока ему не пообещали выполнить все выдвигаемые им условия. Главным требованием его была возможность пересчитать в государстве все и вся.

По возвращении “Телепину пересчитал (обновил) на будущие времена жизнь и жизненную силу царя и царицы”.

В результате этого “Облако покинуло окно, дым покинул дом, на постаменте боги приведены в порядок, в очаге поленья были приведены в порядок. Внутри загона овец он впустил, внутри хлева овец он впустил. Мать заботилась о своем ребенке, овца заботилась о своем ягненке, корова заботилась о своем теленке” (13).

Известно, что полутысячелетняя история Хеттского государства была полна драматизма. В нем происходили революции, смены династий царей, смены общественных укладов. Это государственное образование было очень неоднородным. В конце третьего тысячелетия до н.э. в Малую Азию вернулись их соплеменники, ранее ушедшие на Северный Кавказ и возвратившиеся под руководством индоевропейских вождей (как предположил американский исследователь Джеймс Макуин) (14). Эти индоевропейцы вместе с кавказцами-атхами и северокавказскими хаттами в середине третьего тысячелетия до н.э. создали не Северном Кавказе Майкопскую культуру. Представителями этой культуры европейские археологи считают “курганные племена”. В Анатолии они продолжили развитие Майкопской культуры. Там ее называют культурой Аладжи-Гуюк (15). Объединившись с малоазийскими индоевропейцами, лувийцами и палайцами, хетты, (на самом деле неситы, взявшие себе этноним хаттов, в виде “хиттит”), захватили власть и создали Хеттское царство. Периодически их господство переходило от индоевропейцев к хатто-

атыхам и обратно. Когда властвовали индоевропейцы, устанавливалась автократия. Когда власть переходила к династии царей кавказского происхождения, образовывалась конфедерация племен. Но все время религиозная власть была в руках хаттских жрецов.

Подобная картина наблюдается и на Северо-Западном Кавказе, где уже в конце V-го, начале IV-го тысячелетия взаимодействовали кавкасионцы-атыхы, малоазийские земледельцы-хатты и индоевропейцы-ямники (видимо, будущие арии). В IV-м и 1-й половине III-го тысячелетия до н. э. ведущую роль в Древней Адыгее играли кавказские ранние скотоводы атхи. И уже, видимо, в 1-й половине III-го тысячелетия до н. э. здесь возник союз Майкопских племен. Этому союзу предшествовал длительный и трудный период акклиматизации пришельцев из Малой Азии (прахаттов, появившихся здесь еще в V-м тысячелетии, затем месопотамцев (шумеров) примерно в середине IV-го тысячелетия до н. э. и еще одной волны хаттов в конце IV-го или на рубеже IV—III тысячелетий до н. э.

С севера, из прикубанских степей, с древними кавказцами-атыхами общались кочевники-скотоводы, так называемые ямники, одни из родоначальников индоевропейской семьи языков. Интересно наблюдать взаимодействие этих трех или четырех этно-культурных общностей. Здесь необходимо еще учитывать и постоянные связи атыхов со своими южными соседями в Закавказье. Поскольку они, в свою очередь, активно контактировали с переднеазиатскими передовыми цивилизациями, северокавказцы постоянно получали через них положительные импульсы от Натуфийской халколитической, Малоазийской культуры Чатал-Хуюка, а затем Хаджилара и Месопотамских культур Джемдет-Наср и Убейд.

Очень заметным в археологии Северо-Западного Кавказа является столкновение двух различных идеологий культа плодородия — кавказской и переднеазиатской. У переднеазиатцев, как впрочем, и у праиндоевропейцев, этот культ олицетворяла Великая богиня — Мать-земля — известная под различными именами — то под именем Инанны (или Наины), Иштар, Кубабы (Кибеллы). Богиня изображалась в виде обнаженной, цветущей женщины (в основном в скульптуре и особенно часто в мелкой пластике (с пышными формами) (16).

Кавказ с древнейших времен был запретной зоной для эротических сюжетов в изобразительном искусстве. Особенно это строго соблюдалось на Северном Кавказе, где, по мнению ученых, никогда не было классического матриархата (17). Неизвестно, с каких времен у адыгов в языческом пантеоне бытует мужской бог плодородия, изобилия, покровитель земледелия Созерис (у восточных адыгов Северного Кавказа — Тхагалидж), имя которого созвучно древнеегипетскому Озирису (18). Но его символ в виде различного выражения цифры семь замечается с раннего энеолита, т. е. с начала IV-го тысячелетия до н. э.

Теперь попробуем представить, как могли отнестись прасеверокавказцы-атыхы со своим патриархальным мировоззрением к пришедшим из Малой Азии прахаттам, у которых еще крепко держались многие черты матриархата. Борьба между двумя идеологиями, разумеется, началась много позже прихода и внедрения переднеазиатцев в кавказскую природу и человеческое общество. Это можно представить как прорыв с юга, с Черноморского побережья на северные склоны Западного Кавказа через цепь пещерных общин горных скотоводов-атыхов к плодородным мысам, свободным от леса, у выхода рек из горных теснин (типа поселения Мешоко в Хаджохе) (19). В то время местные общины хоронили своих родственников под малыми холмами из булыжника, обставляя могилы менгирами, плитами, крупными камнями и кромлехами (каменными кругами) (20). И уже тогда, т.е. во второй половине V-го тысячелетия до н. э. замечается обычай

расчлененных костяков, т.е. обряд вторичного погребения, характерный в последующие времена для соседних абхазов (21). Здесь важно отметить использование атыхами позднего неолита в конструкции погребального сооружения мегалитов (больших камней — греч.) — менгиров (каменных столбов) и кромлехов.

В раннем энеолите использование мегалитов в погребальном обряде замечается и у хаттов Закубанья. Так, в трех гробницах Унакозовской пещеры, в которых по антропологическим данным были захоронены старик и трое детей хаттского физического облика (22), были использованы мегалитические элементы: стоячие плиты, стены пещеры, каменные глыбы. Очевидно, заимствована была и овальная обкладка могил плитняком — вариант малого кромлеха, свойственного атыхам, убежденным солнцепоклонникам. Западная ориентировка костяков (головой на запад) указывает прародину — Анатолию, откуда прибыли прахатты, переплыв через Черное море и высадившись в Крыму, а затем уже совершившие переход в страну атыхов. Положение покойников (лежа на спине в сильно скорченной позе с коленями, прижатыми к животу) напоминает положение младенца в чреве матери. В данном случае это символизирует, на наш взгляд, Мать-землю. Это, несомненно, дань своему главному культу, связанному с наследием матриархата.

В середине IV-го тысячелетия до н. э. в горах Закубанья и Причерноморья появляется мегалитическая гробница в форме полукруглой, овальной или прямоугольной обкладки из булыжников и плит (“каменный ящик”). Его классическим примером может служить погребение в поселении “Скала” (современный Хаджох). Здесь отмечена характерная переднеазнатская поза погребенного. Возведено монументальное типичное для этой культуры сооружение.

Во второй половине IV-го тысячелетия до н. э. осуществляются эксперименты по дальнейшему развитию монументального погребального зодчества из камня и трансформации “каменного ящика” в дольмен. Яркий тому пример — гробница Псыбэ в Причерноморье, близ одноименного шапсугского селения. В передней плите “каменного ящика” пробивается большое отверстие, почти дверной проем. В гробнице похоронен первый знатный предок. В конструкции гробницы просматриваются элементы порталного дольмена (лаз в передней плите и выступы боковых плит, образующие небольшой “хиламат” (портал — хеттск.). В дальнейшем, в период ранней бронзы, эта гробница, сооруженная специально для одной персоны, превращается потомками обожествленного в медно-каменном веке предка в коллективную семейную усыпальницу (23). Это характерно именно для дольменной культуры Западного Кавказа ранней, средней и поздней бронзы.

Гробнице Псыбэ предшествовали сооружения закрытого типа с четырьмя монолитными стенами, каменным полом и тяжелой крышей из нескольких плит. В этом замечается стремление к герметизации погребальной камеры. Наконец, в конце IV-го, на рубеже IV, III-го тысячелетия до н. э. формируется порталный дольмен с камерой трапециевидного плана. Причем, какая-то часть дольменов имеет в начале только одну порталную стену справа, (если смотреть со стороны задней стены на переднюю с отверстием).

Использование трапециевидной формы приемлемого, научного объяснения еще не получило. Однако понятно, это явно нельзя и объяснить утилитарными конструктивными соображениями. Более правомерно функциональное оправдание такой конструкции, но не как погребального сооружения, а как культового.

В поральном дольмене гениально и даже остроумно воплотился синтез двух символов плодородия.

Местные горные скотоводы-атыхи в сооружении трапециевидного плана видят символ мужского бога плодородия Созериса, связанного с космогоническим культом: “Жъуагъозэшибл” (семь звездных братьев, как адыги издревле называют созвездие Большой медведицы). Было бы наивно видеть в его ковше только символ изобилия. Скорее всего, различные положения звезд этого созвездия в определенные годы “сигнализовали” о более благоприятных условиях для обильного урожая.

Символ Созериса — ствол боярышника (хьамщхунтIэ) с семью сучьями. У некоторых племен вместо “хамщхунтIэ” символом Созериса были груша или орех. Как бы то ни было, дольмен с камерой трапециевидного плана и с одной порталльной стеной напоминает при виде спереди перевернутый ковш “Жъуагъозэшибл” и, таким образом, символизирует патриархальный культ местного языческого пантеона, культ бога плодородия Созериса. Наверняка, это как-то связывается с месопотамскими “Зиккуратами”, семиступенчатыми культовыми башнями, верхние ступени которых служили помещением для астрологических опытов.

Малоазийские прахатты, столкнувшиеся с очень жестким законом кавказцев, который табуировал изображение женщины, вынуждены были, приспособившись к местным природным условиям и к обычаям, выражаться эзоповским языком, чтобы сохранить веру в свое женское божество. Они сооружали порталльный дольмен или двухкамерную гробницу прямоугольного плана с двумя порталльными стенами. Погребальную камеру они мыслили как чрево Матери-земли в геометризованной прямолинейной форме, в которое возвращается умерший сын или дочь в той же позе, что и до рождения, т. е. в склоненной набок головой по направлению к отверстию в передней стене. Порталльные стены символизируют ноги женщины богини. Круглый, или арочный, или овальный лаз — это символ деторождающего органа, а каменная пробка, появившаяся несколько позднее, олицетворяла фалос. Все элементы акта плодородия выражал для хаттов южан порталльный дольмен.

Вот в каком виде на примере мегалитического погребального сооружения проявляется единство двух противоположных взглядов в вопросе культа плодородия. С подобными сложными отношениями в области религии разные народы Северо-Западного Кавказа, двигаясь по пути слияния в единый этнос на правах племени, пришли к Майкопской культуре раннебронзовой эпохи (2-ая половина III-го тысячелетия до н.э.). Если в эпоху энеолита атыхи и прахатты жили по соседству, первые — в средне- и высокогорье, а вторые — на равнине и в предгорьях, и лишь диффузировали понемногу, то в раннебронзовое время все население вышло из гор на Закубанскую низменность, и лишь атыхи по-прежнему возили хоронить своих знатных родичей в горные — мегалитические усыпальницы. Вынужденное и очень плодотворное близкое общение двух очень разных по психике групп населения дало прекрасный результат — высокоразвитую Майкопскую культуру. С одной стороны, выявило характер мужественного, эмоционального, но сдержанного в проявлении чувств, сильного, прямодушного, благородного атыха и, с другой стороны, умного, хитрого, порой коварного, часто тщедушного, чувственного хатта. Отсюда следует, вопрос: какова была философия майкопского общества? То ли она включала два довольно самостоятельных полюсных течения (аскетическая философия кавказца и чувственная философия переднеазиатца), или она была синтетической и даже, возможно, эклектичной.

Анализируя произведения изобразительного и декоративно-прикладного искусства майкопского

общества периода расцвета, можно заметить закрепление тех черт, которые были выработаны в предыдущий период на Северо-Западном Кавказе под влиянием местной философии.

Это:

- отсутствие обнаженной фигуры человека;
 - табуирование женских изображений;
 - 3— отсутствие в изображениях человека признаков пола;

 - отсутствие чистой изобразительности и декоративно-прикладной характер пространственных искусств;
 - пропорции фигур подчеркнуто приземистые, широкоплечие, узкотальные;
 - кодирование и символичность смысла и образа;
 - схематизм и даже абстрактность рисунка;
 - орнаментальная сдержанность и даже скупость, в частности, на керамике.
- Перечисленные признаки протомайкопского стиля эпохи позднего неолита, энеолита и майкопского искусства периода ранней бронзы можно наблюдать на произведениях древнего искусства, которые помещены на таблицах.

Следует заметить, что из общего ряда произведений майкопского искусства Северо-Западного Кавказа выпадает материал поселения “Свободный” — самый северный памятник энеолитической протомайкопской культуры, оригинальный своими остродонными керамическими сосудами, женскими статуэтками и некоторыми другими северо-западными и степняцкими чертами.

По первому и четвертому пункту характеристики искусства некоторые сомнения вызывают так называемые кулачные бойцы бронзовой вилки из Новосвободненского кургана в урочище “Клады”. Две фигуры, очевидно, мужские, изображены скульптурно, реалистично, в одеждах, спущенных до пояса. По мнению А. А. Формозова, головы и лица этих “жрецов” имеют “хеттский” облик.

Но если это сопоставить с его наблюдением, об “арменоидности” голов, то надо признать их хаттами, имеющими сходство с многочисленными человеческими изображениями (скульптурными и рельефными) Анатолии III—I-го тысячелетия до н. э. Новосвободненские “жрецы” — самое документальное изображение кавказских хаттов. Оба отступления от кавказского стиля объясняются малоазийским влиянием; обнаженные и детализированные фигуры — не редкость для культуры Аладжа-Хуюк III-го тысячелетия до н. э.

Как это обычно воспринимается в человеческом обществе, вид обнаженного тела порождает эротические чувства, если оно имеет выразительно приятные формы, и чувство отвращения, если оно безобразно. Аскетизм кавказцев предполагает созерцание красоты человеческого тела в определенных местах и в определенное время: если это мужской атлетизм, то в мужской среде военной и спортивной обстановки, если это женская нагота, то в интимные моменты семейной жизни.

Надо полагать, что искусство хеттов II-го тысячелетия до н.э. развивалось под сильным влиянием кавказских атыхов. Все фигуры на многочисленных рельефах Кархемиша, Богазкея, Аладжа-Гуюка плотно задрапированы и застегнуты до самого подбородка; изобразительность растворяется в импрессионистской декоративности (орнаментализация и смягчение рельефности черт лица, элементов фигуры и костюма), очень малый процент женских изображений.

Но пропорции фигур преобладают переднеазиатские: приземистость, широкоплечность при узкой, низкой талии (львиный корпус), большеголовость. Особенно это отступление от кавказского эталона видно при сравнении “жрецов” Новосвободненской вилки с фигурой безголового “охотника” на росписи стены двухкамерной гробницы кургана п. 28 урочища “Клады”.

Крайний схематизм в рисунке фигуры человека превращает ее в иероглиф, т. е., орнаментально-геометрический символ. Этим сильно затрудняется прочтение смысла изображения обычным способом. Для того, чтобы понять сюжет, необходимо вначале познать и проникнуться символикой атыхско-хаттской культуры. Но и в этом случае исключается однозначность понимания.

Очень важной и устойчивой чертой Кавказского древнего и средневекового искусства является скупость декора и его функционально-генетическая суть. К примеру, так называемый жемчужный орнамент на сосудах Протомайкопской культуры, а на керамике — ранней бронзы из “Кладов” и пос. “Старчики” в Адыгее, его имитация в виде налепных шишечек, служил не для украшения сосуда, а для посвятельного обозначения его скотоводческо-плодородному богу Емышу.

Ряды малых сосков на животе свиньи, самого плодovитого домашнего животного, послужили исходным объектом для создания образа плодородия на сфероидальной поверхности верхней части протомайкопского горшка Новосвободненского реповидного пифосоида в виде, в основном, четырех рядов выпуклин на плечиках сосуда. Они напоминали ряды сосков свиньи и одновременно рисовали солнце концентрическими окружностями на круглом теле сосуда, главный солярий божественный символ.

Важно подчеркнуть также обычаи строгого табуирования изображения женщин. Нет ни одного изображения женщины в искусстве Майкопской культуры и не только таких явных, как статуэтки из Свободного, но даже таких слабых намеков, как в поселении “Замок” в Кисловодске, в которых можно что-то усмотреть наподобие обозначения бюста. Объясняется этот факт, по мнению ученых, сильными традициями патриархата. И не только в третьем тысячелетии до н.э. в северо-западно-кавказском искусстве нет или очень мало женских изображений. В меотскую эпоху раннего железа, исключая Причерноморье, где наблюдается сильное влияние эллинской культуры, эта черта также проявляется. Так, известно только одно монументальное скульптурно-графическое изображение царицы или жрицы IV—III-го веков до н. э. из-под станицы Преградной в горном Закубанье. Если не считать очень схематичных примитивных лепных глиняных статуэток с фатейско-меотских городищ-святилищ первых веков н. э. Центрального и Нижнего Прикубанья, все местные изображения женщин в надгробной пластике и торевтике связаны с сильно эллинизированным синдским царством античного времени, или степняцким сарматским миром с явными матриархальными чертами кочевых ираноязычных племен.

Эпоха средневековья в исторической Черкесии (Адыгее) еще более убедительно подтверждает это наблюдение. Единственное изображение, X—XII веков очень схематичное, найденное в Причерноморье, относится к территории зихского племени, в культуре которого есть серьезные отступления от адыгского кавказского стиля. Таким образом, выясняется, что табуирование женского изображения есть чисто кавказская черта. Объяснение этому факту только силой патриархальных отношений не совсем удовлетворительно. Нельзя сказать, чтобы у адыгов женщину угнетали больше, чем в Европе. Здесь она даже после распространения ислама не надевала паранджу и не была унижена до положения рабыни. Велико и священно у адыгов отношение к матери, к сестре, к невесте, уважительное отношение к жене, покровительственное и

любовное — к дочери. Но женщина всегда добровольно уступает первенствующую и главенствующую роль мужчине, получая взамен уважение, но ни страх или презрение. Возможно, в древности и в средневековье, когда были в силе языческие верования, женщина была возвеличена до обожествления и как божество было недостижимо для земного художника, способного в рисунке только опознать возвышенный образ. Поэтому изображение женщины было табуировано (хъарам — запретно, стыдно). С другой стороны, когда дело доходило до проявления отношения к женщине в отведенных обществом для этого местах (интимная, любовная или семейная обстановка, танец, физическая защита ее и т. п.) кавказский мужчина осуществлял это с крайней страстностью и самоотверженностью.

Но глубоко кодированные метафоричные образы женщины присутствуют во все времена в культуре адыгов. Такой образ видится в изображении жреца (неотъемлемый атрибут жреца — перевязь через плечо) в Мешокской статуэтке из глины эпохи энеолита. Хотя в этом произведении мелкой пластики нет ни одного намека о признаках пола, но в изяществе фигуры, в хореографической пластичности и откровенной женственности торса чувствуется столько грациозности, что у каждого, созерцающего эту скульптуру, возникает определенная ассоциация с прекрасной древней кавказской женщиной, облаченной в одежду древнеегипетских и шумерских жрецов, подобную индийскому платью “сари”. В протомайкопской керамике также находит отражение стремление к женской красоте. Особенно это заметно на изящных биконически вогнутых “мангалах”, (подставках под круглодонные сосуды, Хаджохского навеса, Псекупса, Очажного грота Воронцовской пещеры и малых узкогорлых сосудах последнего памятника с широко отвернутыми венчиками-воротниками. В отношении всей массы керамики Майкопской культуры Закубанья следует отметить тенденцию к переднеазиатским идеалам. Шаровидные и яйцевидные круглодонные сосуды Псекупса, Нечерезия, Пшиша и др. памятников представляют собой скорее образ мягкости, круглости, пышнотелости, напоминают о полногрудых “матронах” Чатал-Хаюка и Хаджилара Анатолии VI—IV тысячелетия до н.э.

Поскольку керамика есть самый массовый археологический материал, дошедший до нас от всех эпох и периодов истории, по ней можно судить и об образном представлении о женской красоте. Ведь глиняный сосуд всегда образно мыслился фигурой человека со всеми ее компонентами (венчик — голова, горло — шея, плечи, тулово — корпус сосуда, дно и особенно поддон — ноги).

В этом смысле особенно важны эпохальные вехи в гончарстве адыгов, в которых чувствуется образ женщины. Это проявляется в настоящих произведениях декоративно-прикладного искусства адыгов античной эпохи и средневековья, когда керамика приобретает архитектурную стройность под влиянием античной культуры, а в эпоху средневековья возрождает традиции фатейско-меотской культуры.

В серолощенной, узковысокогорлой, стройной и пышнобедрой кринке-вазе скромно, но искусно отделанной автором, гончаром из фатеев, мыслился, думается, образ сарматской красавицы. В средневековой керамике адыгов каждого периода имеются прекрасные образцы художественного творчества гончаров. Выражаясь эзоповским языком, они старались воспеть красоту женщины разными средствами: то посредством формы сосуда, то его декора, то материнских символов, а часто и мобилизуя все эти средства.

Еще можно объяснить отсутствие или недостаток женских изображений в древнем искусстве праадыгов ремесленно-хозяйственной дифференциацией. То есть тем, что все ремесла, которые связаны были с изобразительной деятельностью, находились в руках мужчин, а женское начало,

как очень сильное, противоположное и дьявольское, способное испортить продукцию, не допускалось в мастерскую и в искусство. (О том, что уже в Майкопской культуре были ремесла, говорит керамика второй половины 111-го тысячелетия до н. э.).

Так, у шапсугов аула Большой Кичмай бытовал рассказ, согласно которому в гончарню, где работали только мужчины, женщина не допускалась.

Итак, рассмотрев некоторые археологические материалы древних культур Адыгеи эпохи энеолита и ранней бронзы, связанные с пространственными искусствами, убеждаемся в том, что в них выражаются духовные моменты жизни северо-западного кавказского общества, а точнее, отношение человека к природе, что является важнейшим вопросом философии.

Выясняется, что с древних времен, общество Одышкохапэ (Западного Кавказа) разделялось по своим философским взглядам на две серьезно различающиеся партии. Эти взгляды можно условно назвать “кавказско-аскетической” и “анатолийско-чувственной” философиями. Различия между ними во многом объясняются своеобразием природно-климатической среды обитания двух районов Кавказа и Малой Азии. Конкретно, эти философские взгляды прослеживаются по археологическо-изобразительным памятникам Древней Адыгеи и Анатолии, от которых происходят древнейшие протоадыгские племена “атыхов” — солнцепоклонников-скотоводов и “хаттов” — земледельцев, поклонников материнского культа плодородия.

Очень важно то, что эти, почти противоположные философские платформы, уживались в идеологии одного этноса. Более того, такая внутренне противоположная философия как раз и являлась основой здорового духа этноса и его высокого уровня культурного развития на протяжении шести тысячелетий. Наиболее полно в позднейшие времена эта диалектическая философия выразилась в морально-этическом кодексе адыгов — адыгагъэ.